

Л.В. Кальмина, Л.В. Курас

НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ С «ЗАКЛЯТЫМ ДРУГОМ» (ПРОЕКТЫ «КИТАЙСКОЙ» ПОЛИТИКИ РОССИИ В ДОНЕСЕНИЯХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.)

Статья подготовлена Л.В. Кальминой – в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничные России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9); Л.В. Курасом – в рамках государственного задания (проект XII.187.1.4. XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4).

Рассматриваются донесения российских военных агентов, которые вели сбор информации в Китае, Маньчжурии и Монголии на рубеже XIX–XX вв. В донесениях предлагалось укрепить российские позиции на Востоке путем вооруженного захвата Китая и экономического вовлечения Монголии в орбиту российских интересов. Впервые вводя указанные источники в научный оборот, авторы статьи анализируют возможность реализации предложений военных агентов в контексте сложившейся на Востоке политической ситуации.

Ключевые слова: Маньчжурия; Монголия; Китай; кочевое население; военные действия.

В конце XIX в. отношение Китая к России оценивалось как дружелюбное, и любая возможность конфликта между ними полностью исключалась. В публичной лекции видного востоковеда, профессора А.М. Позднеева, прочитанной им в Санкт-Петербургском университете в феврале 1887 г., акцент делался на противопоставлении отношений Китая с Россией, с одной стороны, и европейскими странами – с другой. Последние, на его взгляд, никак не могли пользоваться симпатиями Китая, поскольку их цивилизация, которой они так кичатся, показывает «образцы ненависти и коварства», а «цивилизаторская миссия» сводится к наводнению Китая опиумом и практически не знакомит с европейским производством. Утверждая, что в Китае у европейцев нет будущего, ученый подчеркивал, что «только одной России предстоит... широкое развитие своих сношений с Китаем. Соседя всему застенному Китаю, она не только никогда не потеряет в нем своих рынков, а, напротив, в силу особых территориальных условий своих владений необходимо будет увеличивать их». Дружба с Россией, продолжал далее ученый, выгодна и Китаю, который «только в русской обширной и богатой стране» найдет «сырые произведения для... переработки, которых не в силах будет доставить ему Европа».

Подводя итоги своего выступления, он выразил уверенность в том, что «имя России пользуется в Китае, может быть, и не всегда ясно осознаваемой, но несомненной любовью», поскольку ее задачи на Востоке резко отличаются от задач Европы, чего не может не видеть Поднебесная. И, «несмотря на постоянные подстрекательства англичанами Китая против России», Китай может убедиться, что Россия преследует только цель развития коммерческих и дружественных отношений [1. С. 245–246, 261–263].

Это мнение укрепились и в политических кругах, особенно после Японо-китайской войны 1894–1895 гг., когда Россия фактически стала гарантом целостности цинского Китая и его союзником против Японии в случае дальнейших агрессивных действий

последней. Подписание контракта о строительстве и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) ускорило российско-китайское сближение [2. С. 30], и его не мог ослабить даже тот факт, что Россия «прибрала» Порт-Артур. Газеты тиражировали мнение британского политического деятеля, будущего премьер-министра А. Бальфура, что действия русских моряков в Порт-Артуре вполне законны, слухи о противоречиях между Россией и Англией из-за китайского вопроса совершенно безосновательны, и мир на азиатском Востоке является «вполне обеспеченным» [3. 1898. № 23].

Однако были и те, кто не разделяли всеобщего оптимизма и, читая в прессе заверения о невозможности военных столкновений и гарантиях прочного мира, которому ничто угрожать не может, доверяли только лично собранным сведениям и собственным впечатлениям. С дотошностью ученых они изучали климатические условия и ландшафт китайских территорий, транспортные коридоры, экономический потенциал, нравы и обычаи населения, его политические предпочтения, степень религиозности, одежду и обстановку жилищ, положение женщины в семье и распределение домашних обязанностей. Промонстрировав недюжинный исследовательский талант, они оценили Китай как «заклятого друга» – соседа, что предполагало постоянное взаимодействие, но и экономического и возможного военного соперника.

Эти полноценные научные изыскания можно было бы принять за материалы экспедиций Русского географического общества, если бы не одно «но». Все их результаты издавались Военно-ученым комитетом Главного штаба Русской императорской армии (далее Главный штаб) и выходили под грифом «Секретно». Бывшие по легенде исследователями, изучающими местность в географическом, геологическом, этнографическом плане, на деле их авторы были военными агентами, чьей целью была оценка возможности победы Российской империи над Китаем в случае ведения здесь военных действий, ибо жизнь показала, что желание мира не исключает боевой готовности.

В их донесениях климат, ландшафт, транспортная сеть рассматривались с точки зрения возможности передвижения российских войск во время военных действий, а экономическое развитие, глубина и чистота водоемов оценивались как возможность или затруднительность в снабжении армии продовольствием и водой.

Экспедиции проводились в условиях строгой секретности, и об истинных целях не догадывались даже их участники, кроме проводников и рекомендовавших их, но они, как правило, об этом не распространялись. Р.А. Сыртланов, предпринявший поездку по Западно-му Китаю в 1909 г., изложил меры предосторожности, к которым пришлось прибегнуть для усыпления бдительности китайских властей, в специальном подразде-ле своего отчета «Препятствия работ и меры для скрытности ее». К примеру, скорость течения и глубину рек он незаметно измерял при купании, а глубину колодцев – опуская ведро на мерной бечеве [4. С. 190, 191]. Однако китайские местные власти, по-видимому, догадывались о цели экспедиции, поскольку запрещали населению входить с ее участниками «в какие бы то ни было сношения». Поэтому собранные при беседах с ними сведения, как отмечал, например, подполковник Стрельбицкий, в 1894 г. предпринявший семимесячное путешествие по Монголии и Маньчжурии, были «настолько скудны, что они далеко не могут доставить материала для правильного суждения о пригодности... важных направлений в отношении войскового движения...» [5. С. 55].

Подобные изыскания отнюдь не были прихотью Главного штаба. Китай тоже держал камень за пазу-хой. Газета «Забайкальские областные ведомости» перепечатала фрагменты книги китайского мандарина Тао «Шэнь-ши-вэй-янь» («Предостережение об опасности»), в которой он оценивал Россию как сильного и наиболее опасного врага, который при бездействии китайских властей может прибрать к рукам все пограничные области с той же легкостью, с какой без единого выстрела захватил обширные незаселенные китайские земли восточнее Амура [3. 1897. № 64, 65]. Однако, по-видимому, Российская империя более полагалась на устоявшееся мнение о благоприятных отношениях с Поднебесной, поскольку военно-научные экспедиции иной раз проводились не только по инициативе самих военных агентов, но даже за их счет, без подкрепления средствами Казны [4. С. 184, 185; 6. С. 289]. «...Политическое и стратегическое значение факта создания нового административного округа (Алтайского. – *Авт.*), укрепления и отряда войск близ нашей границы было слишком велико, чтобы можно было ограничиться имевшимися о нем туманными сведениями, – обосновывал необходимость своей поездки Р.А. Сыртланов. – Являлась настоятельная надобность в точном и возможно подробном расследовании этого факта и установлении, что из имевшихся сведений было правдоподобно и что представляло вымысел.

Такое расследование я поставил первой целью своей поездки» [4. С. 178].

В определении театра будущих военных действий мнения расходились, поэтому военные агенты прово-

дили экспедиции и в Монголии, и в Маньчжурии. Последняя казалась предпочтительней, поскольку проведение КВЖД, бывшей действенным средством усиления российского влияния, ставило под контроль России всю Восточную Маньчжурию. А финансирование строительства и эксплуатации КВЖД Русско-Китайским банком обеспечивало здесь и российское финансовое доминирование. Проводником «маньчжурского» направления восточной политики России был министр финансов империи С.Ю. Витте, полагавший, что российское железнодорожное строительство через Монголию в Китай обострит обстановку на Дальнем Востоке и вызовет негативную реакцию Китая и Японии [7. С. 112].

Полковник Генштаба Военного министерства Российской империи (далее Генштаб) Путята, предпринявший поездку по Маньчжурии еще в 1888 г., задолго до сооружения КВЖД и Транссибирской магистрали, считал, что «маньчжурский» вариант военных действий не потребует от России больших усилий. В-первых, колонизация выходцами из Внутреннего Китая территорий Маньчжурии, граничащих с Приамурским военным округом, не представляет для России никакой опасности: не все стратегические районы удобны для сельского хозяйства. К тому же в случае разрыва с Китаем предпочтительнее иметь театром военных действий не пустыню, а культурную страну с трудолюбивым населением, «способствующим продовольствовать и содержать местными ресурсами оперирующий отряд и доставлять ему средства для дальнейшего движения к избранным целям». Полковник полагал, что для Китая в случае войны с Россией более надежной защитой служили бы труднопроходимые пустыни, чем облагоустроенные китайскими земледельцами плотно населенные районы, хотя в правительственных кругах его мнения не разделяли.

Во-вторых, он сильно сомневался в боевых качествах маньчжур, которые за мирные годы «изменились», растеряли бывшее военное умение, «обнаруживают полное непонимание дисциплины», постоянно спят в карауле, «стрелять... вовсе не умеют, а спросонья... могут стрелять и по своим». В качестве аргумента он приводит анекдотичный случай, когда в помощь унтер-офицеру для защиты от хунхузов был нанят половой из гостиницы. Впрочем, тут же оговаривается, что речь идет о самом слабом гарнизоне Маньчжурии. Характеризуя маньчжурские войска в Мукденской провинции, он замечает, что здесь придается большое значение подготовке уволенных в запас, которые получают плату и призываются на сборы и ученья два раза в год.

Из всего этого автор донесения делает вывод о внимании китайского правительства «...в сторону, где вооруженное столкновение может иметь место с одной Россией» и что формирующиеся вспомогательные части призваны «...оказать наиболее энергичное сопротивление появлению русских войск в Маньчжурии» [8. С. 9, 10, 30, 33, 34, 37]. Выбирая предпочтительные маршруты передвижения российских войск, военный агент прежде всего сосредоточивается на кратчайших путях к Пекину, что не оставляет сомнений в целях возможных военных действий России в

Маньчжурии. В случае их успеха выход российских войск в Южную Маньчжурию давал, по мнению агента, ряд стратегических преимуществ: более удобные по сравнению с имеющимися выходы к Тихому океану, новые способы действий против Срединной империи, жестокий удар по маньчжурскому дому в Китае и даже получение Кореи в качестве вассала [8. С. 110–111]. В случае мирного развития событий предлагалось усиление экономического воздействия путем форсирования железнодорожного строительства. Здесь следует обратить внимание на дискуссионный момент: полковник Путята не согласен с профессором А.М. Поздневым относительно перспектив китайского железнодорожного строительства. Если известный востоковед считал «покрытие» Китая сетью железных дорог делом далекого будущего из-за привычки к «тщательной обдуманности» всякого, «даже самого лучшего нововведения» [1. С. 258], то военный агент, напротив, полагал, что Китай опередил Россию в железнодорожном строительстве, проложив линию Тяньцзинь – Таку – Кайпин и, «по слухам, заслуживающим доверия», собираясь продолжить ее до Мукдена. Чтобы окончательно не проиграть экономическую битву за Восток, Путята предлагал поторопиться со строительством Сибирской железнодорожной магистрали, которая уже стояла в планах российского правительства. Ее проведение он рассматривал как средство превращения в русский маньчжурского рынка, на котором небольшой российский ввоз терялся в массе привезенных Англией, Германией и Соединенными Штатами товаров из-за дешевизны иностранных морских фрахтов [8. С. 41, 67, 74, 75]. (В перспективе предполагалось, что линия от Тяньцзиня, на строительство которой Китай ежегодно тратил 2 млн долларов, соединится с будущей Транссибирской магистралью. Однако Россия это только приветствовала, поскольку это могло способствовать торговому сближению с Китаем и таким образом устраняло «тяжело отзывающееся ныне на торговом обмене полное отсутствие удобных путей сообщения между двумя величайшими странами мира, границы коих соприкасаются на протяжении многих тысяч верст») [3. 1894. № 71].

Подполковник Генштаба Стрельбицкий, предпринявший поездку по Маньчжурии двумя годами позже, ограничился предложением экономических шагов по усилению российского влияния на данной территории. Он обратил внимание на слабую конкурентоспособность «нашего профессионального купца» по сравнению с китайцем, «так как последний вкладывает в дело всю свою национальную предприимчивость, изворотливость и энергию». И, хотя «есть такие статьи, которые могли бы вполне остаться за нами», указывает автор очерка, именно китайцы ввозят в Маньчжурию, импортера скота и мануфактуры, «седельные принадлежности и вообще кожевенный товар, сделанный преимущественно из материалов, закупаемых на нашей границе, а также дешевые бумажные ткани из Манчестера, Америки и т.д.».

Забайкалье же, фактически находившееся в одной торговой группе с монголами, могло вывезти на рынок лишь излишек скота. И «...если сюда доходит немного русских фабричных произведений вроде са-

мого дешевого цветного плиса, кумача и т.д., то лишь в самых ничтожных размерах, о более же серьезных попытках овладеть этим крупным рынком мне нигде не приходилось слышать» [5. С. 47, 50].

Большие надежды агент также возлагал на железные дороги, которые могли значительно улучшить ситуацию. Не рассчитывая, что «паровоз мог бы скоро одержать здесь решительную победу над кораблем пустыни», агент, однако, считает, что железнодорожные пути привлекут в Забайкалье «новых просвещенных пионеров русского дела», после чего китайской конкуренции можно будет не опасаться [5. С. 61].

Обозначая экономическую стратегию России в Маньчжурии, Стрельбицкий также не исключает возможности ведения здесь военных действий. Не слишком высоко оценивая боевые качества китайской армии, он характеризует ее как «изнеженную и нравственно расслабленную». А обилие параллельных дорог при отсутствии поперечных в районе Хулумбуира во Внутренней Монголии (в авторской редакции – Хулумбур) он считает благом, так как разделенные отряды не испугают местное население, которое не откочует со своими стадами и уж тем более не поднимет восстание против русских, чего добивается китайская администрация [5. С. 58]. Маршрут военных действий им однозначно определен: «...с объявлением войны занятие Хулумбура неизбежно: мы захватываем этим узел из Пекина, Маньчжурии и Халхи, из коих два первых имеют выдающееся значение для наших операций и вместе с тем наиболее надежно прикрывают и Забайкалье от всяких неприятельских посягательств» [5. С. 63].

Большая часть исследований военных агентов посвящалась Монголии как возможному союзнику в войне с Китаем. обстоятельный военно-статистический очерк, посвященный Монголии, написал командир 2-го драгунского полка А.А. Баторский [9]. В сферу его интересов попали «население и племенной состав» Монголии, его антропологический тип, одежда и жилище монголов, их повседневная жизнь, характер, обычаи, язык и религия. В своем очерке он описал важнейшие населенные пункты, дал характеристику экономической жизни жителей Монголии (земледелие, скотоводство, промышленность, торговля); оценил пути сообщения, степень проходимости почтовых и караванных дорог, проанализировал предпочтительные маршруты передвижения. Анализируя экономику Монголии, автор приходит к заключению о емкости монгольского рынка, который с легкостью поглощал всевозможные товары, вырабатываемые китайцами, русскими, англичанами и американцами, предлагая взамен главным образом продукты скотоводства и живой скот, перегоняемый во внутренние провинции Китая и пограничные местности Сибири [9. С. 114–115]. Основными торговыми партнерами Монголии были Китай и Россия, которая заметно уступала своему сопернику «по размерам и обширности своих оборотов». Российский консул в Урге оценивал обороты российской торговли как ничтожные. Причину военный агент видел в монопольном обладании Китаем товарами, «которые составляют насущную потребность кочевого населения стра-

ны): кирпичный чай как главный продукт меновой торговли, китайский табак, бумажные китайские ткани и др. В свою очередь, Китай также нуждался в продуктах монгольского производства. Отмечая, что Монголия и Китай «находятся в тесной экономической зависимости» и что торгующее китайское купечество вследствие продолжительного общения с кочевым населением Монголии лучше знает его характер и потребности, автор очерка приходит к выводу, что у китайской торговли с монголами более завидное будущее, нежели у России [9. С. 125, 130]. Россия, для которой Монголия была посредником в чайной торговле, ценилась монголами как предоставляющая возможность хорошего заработка: перевозка чая по Монголии ежегодно приносила местному населению около 2 млн руб. В договорах между русскими купцами и возчиками-монголами последние были сильно заинтересованы, поскольку русские всю провозную плату вносили серебром, тогда как китайцы платили серебром только частично, внося остальную плату товарами китайского производства да еще и удерживали комиссию в размере 10% от общей суммы. Невыгодную в экономическом плане сделку военный агент оценил как стратегически верную, поскольку она «оказывает благоприятное влияние на усиление нашего значения в крае» [9. С. 124, 125].

В то же время автор очерка считал, что российская торговля вполне может составить конкуренцию Китаю на монгольском рынке, так как обладает товарами, с которыми китайские конкурировать не могут: юфть, плис, дешевые сукна, железные изделия и др. Для обеспечения своего будущего в качестве монгольского партнера А. Баторский предлагал России усовершенствование ведущих в северо-западную Монголию путей сообщения, устройство фабрик и заводов в приграничных с Монголией местностях для обеспечения потребностей кочевого населения предметами первой необходимости, более рациональную организацию торгового дела с серьезным наблюдением за правильностью торгового и правительственную поддержку русского купечества.

А. Баторский, не исключая, однако, возможности военных действий против Китая и определяя базой для них территорию Забайкалья, уделил особое внимание природным условиям в Монголии и изучению потенциальных маршрутов передвижения войск. Горную Монголию и песчаную Гоби он оценил как театр второстепенных военных операций, а при характеристике монгольского плоскогорья отметил, что при передвижении армии природу победить, пожалуй, будет труднее, чем неприятеля. Следовательно, исключительные условия обстановки должны вызвать и столь же исключительные меры для обеспечения войск, изучение которых «в смысле безостановочного и возможного продвижения» должно составить задачу администрации Забайкальской области [9. С. 140]. Заканчивая свой очерк, автор дал несколько рекомендаций, суть которых сводилась к приспособлению армии к природным условиям Монголии: заблаговременное заготовление топлива (преимущественно аргала); создание особых передовых отрядов для рытья и очистки колодцев; снабжение армии юртами и па-

латками; обзаведение стадами животных, хорошо приспособленных к местным условиям (верблюды, бараны); создание запасов кирпичного чая и жареной муки вместо хлеба.

В XX в. интонация донесений военных агентов стала заметно резче, а «наступательные» нотки – настойчивее. Причиной тому было заметное обострение отношений двух недавних союзников из-за участия России в подавлении «боксерского» восстания в Китае 1898–1901 гг. В своих материалах военные агенты заостряли внимание на взаимоотношениях Китая и монгольских племен, неприязнь которых к Срединной империи рассчитывали использовать в военных операциях по захвату китайских территорий. Анализ этой группы источников начнем с донесения Статистического отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. В нем «неожиданно разыгравшиеся события первостепенной важности в Китае в 1900 г.» описываются невнятно, а «боксерское» восстание даже не упоминается. Говорится о «народных волнениях» против русских или китайцев – в зависимости от племенной принадлежности восставших: враждебных китайцам дунган; лояльных киргизам, владеющих обширными землями «в китайских пределах»; подверженных сильным поборам монголов, что никак не способствует их преданности господствующему народу [10. С. 55, 65, 69, 70]. Восстание ихэтуаней описывается вскользь, как бы пунктиром. Причина его видится между строк: «территориальные захваты и навязчивый наплыв иностранцев, явившихся с целями наживы и эксплуатации, под благовидным предлогом внесения культуры, вызвали энергичный отпор». Результат – антиевропейское движение, охватившее в большей или меньшей степени всю восточную окраину Китая, доступную и важную для большинства держав как обширный торговый рынок. Вмешательство России в события автор оправдывает опасностью, которая угрожает ее границам. А указы «Императрицы матери об истреблении русских», принятые меры по мобилизации вооруженных сил Китая, «заносчивый тон администрации», ложные слухи о неудачах европейцев на востоке и об ограниченном количестве российских войск в Семиречье не оставляли сомнений в предстоящих наступательных операциях китайцев, которым нужно дать «симметричный ответ». Сосредоточение российских войск на границах, пишут далее авторы, произвело на китайцев сильное впечатление. Но, видя, что Россия воздерживается от «неприятных действий» на западе и «умеренно» ведет себя на востоке, власти понемногу успокоились и начали в Илийском крае разоружение и «расклейку воззваний, заверяющих народ в мирных отношениях к России» [10. С. 58, 59].

Со схематичным описанием событий контрастируют резкие однозначные выводы авторов. Они считают, что торопливые и беспорядочные меры, принимаемые китайскими властями при всяком происшествии, сколько-нибудь выходящем за рамки обыденной жизни, демонстрируют их слабость. Это видит население, и только отсутствие авторитетного руководителя мешает повсеместному восстанию. По мнению авторов, сложился вполне благоприятный мо-

мент для перехода страны в русское подданство: взятие русскими войсками Таку, Тяньцзиня, Пекина и сосредоточение войск на границах уже уверили население Китая в этом намерении, и «большинство туземцев встретило бы нас, вероятно, как избавителей». Это, продолжают они, упредило бы действия англичан, которые уже показали пример «беззастенчивого отношения европейцев к населению восточного Китая» и могут начать практику таких же действий в западном. Однако, как не без некоторого сожаления констатируют авторы, «оккупация всей страны, которая последовала бы по необходимости за вступлением наших войск в китайские пределы», едва ли входит сейчас в намерение государства, которое имеет слишком много других насущных и неотложных задач. Поэтому следует сосредоточиться на достижении другой цели – мирного экономического завоевания страны [10. С. 73, 74, 76].

Детальное исследование Илийского края (провинция Синьцзян) предпринял подполковник Генштаба Федоров [11]. Хотя эта территория, находившаяся в ведении России в течение десяти лет после восстания дунган и уйгур в 1862–1869 гг., была передана Китаю в соответствии с Петербургским договором 1881 г., она представляла для России значительный интерес. Во-первых, западная часть Илийского края по договору закреплялась за Россией; во-вторых, Россия имела здесь довольно широкие торговые и политические права [12. С. 225–236]. Отчет, состоящий из краткой преамбулы, 14 разделов и заключения, представляет собой исчерпывающее, очень профессиональное исследование о состоянии края: его истории, границах, административном устройстве, орографии и гидрографии, климате, путях сообщения, населении, его этническом составе, религиозных верованиях, быте и нравах, занятиях, податях и повинностях, состоянии торговли, судоустройстве и т.д. Названия некоторых разделов не оставляют сомнений в военно-прикладном назначении отчета: раздел VI – «Пути сообщения. Общая характеристика. Маршрутные сведения – особенно по магистральным путям, могущим иметь военное значение»; раздел XIII – «Сведения, как можно расквартировать и довольствовать наши войска в Кульдже...»; раздел XIV – «Китайские войска, расположенные в Кульджинском районе. Численность и состав по родам оружия и дислокация их; их вооружение, устройство, дисциплина, обучение и проч.». Последний раздел, по-видимому, вызвал немалые затруднения при сборе информации: «*Снаряжения* (курсив в тексте. – Авт.) почти не приходилось видеть...; *Артиллерия*. Все имеющиеся орудия запрятаны в разные склады и видеть их не представляется возможности»; «Лично увидеть учение китайских солдат очень трудно. Ни разу не приходилось видеть или слышать, чтобы ученье происходило вне стен импаня (казармы) или города. Проникнуть же в импань и видеть обыденное ученье невозможно» [11. С. 147–149]. Тем не менее, он составил свое нелестное впечатление о китайской армии: если маньчжуры и солоньки хотя бы подчинены военной дисциплине, то у китайцев, занятых летом возделыванием собственных полей, а зимой отсиживающихся в помещениях из-за

холода, нет и этого. Военная служба не пользуется у них почетом, и ввести среди них какое-то подобие дисциплины не представляется возможным, тем более что их начальники «сами подают пример совершенного равнодушия и незнания дела, продажности и взяточничества» [11. С. 150–151]. Вывод, который он делает в заключение, однозначен: несмотря на трудности передвижения по краю из-за множества рек без переправ и невозможности нормального расквартирования войск из-за «тесноты, грязи и негигиеничности помещений, а также нечистоплотности и накожных болезней местного населения», Илийский край должен быть занят российскими войсками [11. С. 97, 132, 160]. Основание для этого – сплочение в Кульдже мусульманского мирка, враждебного русскому делу, усиливающееся вооружение Китая и открытость границы с Илийским краем, которым китайцы могут воспользоваться как плацдармом для вторжения в российские пределы. (Звучит несколько нелогично с учетом его характеристики боеспособности китайской армии.) С приобретением Илийского края, утверждает агент, мы получаем границу, выгодную в стратегическом смысле для обороны и наступления. В исходе военных столкновений он не сомневается: в крае еще остались воспоминания о русском владычестве, китайские власти сами не верят в прочное обладание ими Кульджи, а население испытало уже столько переворотов, что к очередному отнесется равнодушно. Самым весомым аргументом для занятия Илийского края, которым агент завершил свой отчет, является тот, что нельзя ждать, пока Китай «вместо теперешнего вооруженного заржавленными самопалами воинства заведет армию... способную уже по одной численности к серьезному сопротивлению» [11. С. 161].

Донесение Б.В. Долбежева посвящалось политике Китая в отношении монгольских народов. Автор выделил в этой политике три этапа. Первый – разобщение и отчуждение монгольских племен по «классовому признаку» – «между правящими классами и простым народом, чтобы затем по очереди забрать их в свои руки». Для решения этой задачи китайцы рассчитывали использовать тщеславие стремившихся приблизиться к Пекинскому двору кочевых князьков, «прикармливая» их наградами и пожалованиями. Расчет был правильным: с детства мелким честолюбием и тщеславием, князья все больше отдалялись от рядовых соплеменников, которые сами, без организующего начала «своих естественных защитников» не были готовы к протестным действиям. (Любопытный момент: автор считал причиной разращения монгольских князей и отчуждения от собственного народа знакомство с китайской цивилизацией. Неприязнь к Китаю помешала агенту объективно проанализировать социальное «лицо» монгольской верхушки, по нравам мало отличающейся от китайской.) Вторым этапом китайских действий, «из области стратегий переходящих к чистой эксплуатации», автор считал привлечение монголов к отбыванию воинской повинности. На период его исследований для некоторых монгольских племен это уже стало реальностью. Наконец, третьим этапом автор считал полное окита-

ивание монголов и лишение их князей всех владельных прав [13. С. 9, 11, 13, 14].

Логическим дополнением труда Б.В. Долбежева служат записки Р.А. Сыртланова, которые он посвятил изучению военно-политических качеств кочевых народов с целью определения степени их лояльности китайской администрации и потенциальной поведенческой стратегии в случае войны с Россией. Автор абсолютно согласен с предшественником в отношении поэтапного «закрепощения» китайцами монголов, хотя средства его обозначает другие: принудительный неэквивалентный обмен чая на скот; колонизация монгольских земель, пригодных для земледелия; денежное закрепощение кочевников при посредстве китайских торговых фирм, хотя и не всегда успешное из-за изолированности некоторых монгольских племен [4. С. 63–66]. Особый интерес представляет предполагаемая автором стратегия поведения монголов в случае военных столкновений России и Китая, которую он выстроил на основе этнографического изучения обычаев, традиций и менталитета разных племен. Торгутов (в авторской редакции – торгоуты) Р.А. Сыртланов характеризовал как «политически и территориально раздробленных, диких и невежественных, доведенных китайцами и своими князьями до очень низкой степени благосостояния, забитых и запуганных». По его мнению, их предстоящая неизбежная ассимиляция сделает их самыми надежными союзниками России, «преданным нам народом, который охотно готов переменить китайское подданство на русское». Десятилетиями выработанные навыки племени («прекрасные и еще богатые скотоводы, неутомимые наездники и природные разведчики»), уверяет агент, могут оказать России неоценимую помощь, и их тяготение к России непременно надо использовать. Р.А. Сыртланов предостерегает самодержавие от очередного оказания помощи китайскому правительству в подавлении возможного восстания (намек на «боксерское» восстание), чем только нальет воду на мельницу своего противника. В отличие от торгутов чахары, по мнению агента, хотя и не особенно преданны Китаю, но ценят свою относительно благополучную жизнь, рисковать которой вряд ли станут ради интересов России, к которой у них нет ни вражды, ни тяготения. Автор предположил, что в случае войны России с Китаем чахары не выкажут особенно упорства в защите интересов империи и займут выжидательную позицию, спокойно подчинившись победителю. Племя олоотов он оценил как тяготеющее к китайской власти, однако это не результат духовной близости, а скорее предпочтение твердой «руки», защищающей от бед и испытаний. Играя на том, что олоты ценят «жизненные блага выше идейных побуждений», китайцы завоевывали их симпатии оказанием им явного предпочтения перед всеми инородцами. Р.А. Сыртланов выказал уверенность, что в случае демонстрации силы Россией и проявления уважения к их идеям олоты вполне примирятся с новой властью. В качестве доказательства он приводит факт отказа олоотов и других монгольских племен от войны с Россией ради китайских и маньчжурских интересов в 1900 г. Однако тут же оговаривается: «Правда, это

было до русско-японской войны, когда обаяние имени России в Азии было почти безгранично. С тех пор, конечно, многое изменилось, слава непобедимости России в Азии исчезла, а военное могущество Китая растет на глазах у всех...». Автор предположил, что вероятной стратегией поведения олоотов в военном конфликте будет следующая: встав на сторону Китая, они будут внимательно следить за ходом событий. В случае успешных действий России начнут переходить на ее сторону «без больших нравственных колебаний». А в случае ее несомненной победы – перейдут на ее сторону окончательно и будут воевать в ее рядах против китайцев, «особенно при уверенности, что в русском подданстве им будет житья не хуже, чем в китайском». В политическом плане это будет сомнительным приобретением, заключает автор, но в военном – несомненным, поскольку олоты выделяются среди других монгольских народов как хорошие воины [4. С. 67, 68, 72, 73, 76, 77, 85–88].

Из всех донесений военных агентов следует выделить отчет поручика Кушелева о поездке в Монголию, куда он был командирован Главным управлением Генштаба по собственной инициативе и за свой счет. Отчет его отличается тем, что, во-первых, поездка состоялась в 1911 г., после Синьхайской революции, изменившей расклад сил в регионе: Монголия, став самостоятельным государством, из гипотетического друга России превратилась в друга вполне реального и в высшей степени надежного. Во-вторых, его отчет, заостряющий внимание на политической ситуации, отличается более резкой наступательной интонацией, чем донесения предшественников, а все предположения автора лишены тени сомнений. В-третьих, он не только тщательно обрисовывает сложившуюся в Монголии социально-экономическую и политическую картину, способствующую принятию решений, но и сам выстраивает военную и экономическую стратегию России в регионе, показав недюжинный ум и широту мышления, достойные политического деятеля.

Анализируя политическую ситуацию, поручик, разумеется, не мог обойти стороной синдром «желтой опасности», в начале века поразивший жителей приграничных с Китаем территорий, которые жили в постоянном ожидании китайского нападения [14. С. 85]. Потенциальная возможность российско-китайской войны в рассуждениях автора превращается в неизбежность, продиктованную наличием протяженной – в 6 тыс. верст – границы с Китаем и приобщением «желтой расы» к европейской цивилизации, которая всегда начинается с развития военного искусства. Если раньше серьезным противником в Азии была лишь Япония, которая в Русско-японской войне показала военную немощь России, что же станет с последней при столкновении «с огромной вооруженной силой Китая, который будет оказывать ею свое воздействие на нашу стратегию на всем необъятном протяжении нашей с ним границы?», – задается вопросом автор очерка. Для того, чтобы обезопасить российско-китайскую границу, далее указывает он, есть три способа. Первый – политику миролюбия и дружбы – он сразу отмел, поскольку азиатский народ «признает

только и исключительно воздействие на себя силой». К тому же Китай не простит российское «вторжение» в Маньчжурию, и погасить «пока еще затаенное им недоброжелательство к России» вряд ли удастся. Второй – заключение политического союза с другими государствами для «отвлечения боевой силы Китая от наших пределов» – тоже показался ему маловероятным. Объясняет он это даже не столько неприязнью европейских держав к России, а тем, что «стоя за ее спиной», они недооценивают «желтую опасность» в отношении Китая, как недооценили ее и в отношении Японии. Между тем недавняя война наглядно продемонстрировала, что развитие вооруженных сил Японии представляет опасность для Европы и Америки, и интриги против России Японии только на руку. Единственным надежным и вполне осуществимым способом он считает третий – «отдаление от своих границ вооруженных сил Китая» и «ослабление энергии их воздействия на нашу границу», что фактически означало войну. И здесь поручик Кушелев выводит на авансцену Монголию, которая «искони веков» являлась «первым препятствием для направления Китаем своей энергии и своей предприимчивости к нашим пределам как страна, заселенная народом, враждебным китайскому» [6. С. 287]. Оценив географические, топографические и климатические свойства Монголии, «величину и природу ее населения», автор приходит к выводу: Монголия «может считаться тем надежным буфером, который обеспечивал нас от спавшего столько столетий Китая и будет... обеспечивать от Китая проснувшегося и вооружающегося» [6. С. 284–286]. Уверенность в правильности оценки определяется достигнутыми целями поездки: выяснение степени пригодности монгольской территории для ведения военных действий «в широких размерах»; определение степени лояльности населения Монголии Китаю «в связи с его реформированием» и оценка возможности оказания монголами сопротивления Китаю без помощи России; отношение монголов к русским [6. С. 288–289]. Пройдя значительную часть Монголии без каких-либо затруднений из-за условий местности или климата, он, человек ранее не знавший Монголии и не особенно опытный путешественник, решил, что степень проходимости ее высока и она вполне пригодна для военных действий. Зависимость Монголии от Китая он оценил как высокую. «Ввиду того, что Россия, к сожалению, недостаточно заботилась о процветании своей торговли в Монголии, – указывается в отчете, – ее успели захватить целиком в свои руки китайцы, являющиеся виртуозами в деле коммерции». Его вывод о постепенном падении экономического влияния России и «возрастающего с поразительной быстротой» китайского влияния полностью совпадает с мнением чиновника особых поручений при военном губернаторе Забайкальской области В. Заболотного. Последний считал причиной поражения России в российско-китайском соперничестве в Монголии дороговизну русских товаров и удобное географическое положение Китая относительно Монголии, дающее возможность быстрой доставки туда товаров за сравнительно низкую провозную плату [15. Оп. 1. Д. 136. Л. 33–34].

Особой лояльности к китайцам поручик не заметил, даже наоборот. По его мнению «сепаратическое движение» монголов тормозится только отсутствием оружия, и каждое слово «сепаратической пропаганды» падает «на в высшей степени плодотворную почву инстинктивной ненависти каждого монгола к китайцам». Причину этой ненависти он видит в эксплуатации китайцами, беззастенчиво обирающими монголов. Что касается отношения к русским, то у автора очерка не осталось ни малейшего сомнения в их горячей симпатии, ибо только в русских как народа, соприкасающегося с ними на тысячах верст приграничной полосы, они видят защиту от своего полного окитаивания. (Заметим, что протяженную границу с Китаем автор считал главным конфликтогенным фактором.) Дружелюбное отношение к русским Кушелев объяснил меньшей алчностью и большей честностью русских купцов и «привольным житьем» азиатских народностей на территории России, которая единственная из всех никогда не притесняла монголов и не ущемляла их интересов. Автор очерка настаивает на использовании этих настроений для оказания поддержки Монголии хотя бы (!) снабжением ее оружием и боеприпасами «в самых широких размерах», если политическая обстановка не позволяет открыто выступить в ее поддержку. Как только Китай, снабженный превосходной артиллерией европейских образцов, настаивает агент, справится со своим революционным движением, то набросится на Монголию, которая артиллерийских орудий не имеет [6. С. 294–299].

Экономическое завоевание Монголии Кушелев предлагает как действие, параллельное военной помощи и ни в коем случае ее не исключающее. Предложенная им экономическая стратегия России в Монголии преследовала цель полного освобождения последней от Китая, захватившего в свои руки всю торговлю, и установления там прочного российского влияния. В числе предлагаемых им мер, предусматривающих, в частности, усиление коммерческой активности русских предпринимателей, следует обратить внимание на две. Первая – исследование территории Монголии в географическом, статистическом, экономическом и научном отношении, а не только в военно-научном и военно-статистическом, «что, вероятно, уже производится самым энергичным образом». Тут он оказался абсолютно прав, хотя многие исследования военных, повторимся, обладали высоким научным уровнем. Второе – улучшение путей сообщения с Монголией, что поручик считал наиболее важным. Все его предшественники обращали внимание на монгольское бездорожье, считая это серьезным препятствием для продвижения российских войск. Но Кушелев, не ограничиваясь общими рекомендациями, выстраивает конкретный маршрут железнодорожных линий, необходимых для завоевания монгольского рынка: соединение Кяхты с одной из станций Забайкальской дороги с тем, чтобы при первой возможности продолжить ее по Монголии до Урги. Это, не без основания полагает автор донесения, «чрезвычайно улучшит наше экономическое положение в Монголии и даст возможность конкурировать с китайской торговлей, может убить последнюю» и восстановить политическое воздействие России на

Китай, в последнее время поколебленное. Продолжение строительства дороги по маршруту Урга – Калган не потребует больших усилий и будет «легкой постройкой» [6. С. 299, 300].

Идея создания Россией транспортной инфраструктуры для реализации в Монголии своих интересов была не нова: такую же применительно к Маньчжурии в 1888 г. выдвигали полковник Путята и в 1890 г. подполковник Стрельбицкий, о чем говорилось выше. А вариант Кяхтинской ветки железной дороги ранее уже прорабатывался на совещании о развитии путей сообщения у Иркутского генерал-губернатора [16. С. 198–222]. Однако, судя по всему, Кушелев пришел к этому заключению самостоятельно, на основании собственных наблюдений. Забегая вперед, скажем, что строительство ветки было признано целесообразным, в 1913 г. Государственной думой было принято решение о начале ее строительства, хотя из-за последующих политических событий оно было надолго отложено.

Остается добавить, что Кушелев показал себя сторонником политики «жесткой руки», считающим, что полумеры неэффективны и вряд ли приведут к достижению желаемой цели. Наряду с экономическим завоеванием Монголии он предлагал немедленное силовое решение «монгольского вопроса», пока этого не сделала Япония, чьих агентов он здесь заметил. Поручик солидарен с мнением своих предшественников, что задачу существенно облегчит недружелюбие монголов по отношению к Китаю, исходящее «из инстинктивной ненависти каждого монгола к китайцу», и доброжелательность и любезность в отношении к русским, которые «не оставляют желать лучшего». Военный агент явно призывает поторопиться, используя распространение среди монголов идеи о возможности присоединения Монголии к России, к которой они относятся вполне благосклонно, ожидая «от России и ее Белого Царя... заступничества против насилия ненавистных китайцев». По его мнению, момент наиболее благоприятен, поскольку через несколько лет восстание против Китая монголов, ждущих только малейшего российского содействия, станет совершенно невозможным. Это понимают и сами монголы, воспользовавшиеся революцией в Китае, чтобы объявить свою независимость. К тому же, по его мнению, следовало действовать быстро, пока Китай, не собирающийся упускать Монголию, не убаюкает ее обещанием широкой автономии в рамках «Китайских соединенных штатов».

В качестве решающего аргумента в ход пошла пресловутая «желтая опасность»: агент считает, что в случае непринятия решительных мер опасность будет угрожать уже не Монголии, а Сибири, которую накрывает китайская колонизационная волна, свидетельством чего является концентрация китайских колонистов на ее границах [6. С. 301, 302, 312, 313, 324].

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Отчеты военных агентов, проводивших разведку в Китае, Монголии и Маньчжурии на рубеже XIX–XX в., преследовали цель – оценить перспективы России в случае ведения военных действий на этих территориях. Подобные исследования, предпринимавшиеся даже в период поддержания дружественных отношений между двумя державами, активизировались после участия России в подавлении «боксерского» восстания в Китае, что обострило отношения между бывшими союзниками. Ситуация поочередно складывалась в пользу то одной, то другой стороны. Китай рассчитывал на слабость России и падение ее авторитета в Азии после Русско-японской войны, Россия предполагала воспользоваться результатами революции в Китае 1911 г. – падением Цинской империи и обретением Монголией независимости.

Военные агенты были солидарны во мнении, что Россия проигрывает экономическую конкуренцию с Китаем в регионе в силу большей предприимчивости китайских купцов и обладания ими товарами, пользующимися повышенным спросом у кочевых народов. Для усиления российского экономического влияния предлагалась активизация действий русского купечества и торговых представительств, рациональное ведение торгового дела с использованием производственного потенциала приграничных территорий и создание транспортной инфраструктуры, позволяющей монополизировать монгольский рынок.

Донесения военных агентов, обстоятельные и по-научному профессиональные, отличались в то же время радикализмом интонации – по-видимому, в силу профессии их авторов. В большинстве своем агенты предпочитали силовой путь упрочения позиций России на Востоке, а российско-китайскую войну считали не только возможной, но и неизбежной с учетом усиления китайской армии и обозначившимися агрессивными намерениями своего соседа. В случае мирного течения событий предполагалось вытеснить Китай и других конкурентов с монгольского рынка путем проведения через Монголию железнодорожной ветки, соединявшейся с Транссибирской магистралью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об отношениях европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте Санкт-Петербургского университета 8-го февраля 1887 года ординаром-профессором А.М. Поздневым // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXVII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1887. С. 228–263.
2. Курас Л.В., Кальмина Л.В., Михалев А.В. Капитаны российской восточной политики: рубеж XIX–XX вв. Иркутск : Оттиск, 2018. 112 с.
3. Забайкальские областные ведомости.
4. Материалы по Западному Китаю, собранные Р.А. Сыртлановым, во время его поездки из Урумчи на Алтай в 1909 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. СПб. : Военная типография, 1913. С. 53–241.
5. Отчет о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) / сост. подполк. Стрельбицкий // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1896. С. 32–126.
6. Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию Л.-Гв. Гусарского ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка поручика Кушелева // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. СПб. : Военная типография, 1913. С. 284–374.

7. Третьяков В.Г. Монголия как геополитический центр притяжения железнодорожного строительства в конце XIX – начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3, ч. 1: Ст. участников 3-й Междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. тр. Иркутск; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 110–120.
8. Отчет о поездке по Маньчжурии через Инокую, Мукден, Гирин, Лалин, Ашихо, Пайесусу, Сан-син, Нингуту, Хунчун во Владивосток 1888 г. Генерального Штаба полковника Путята // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXXVIII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1889. С. 1–127.
9. Монголия. Опыт военно-статистического очерка командира 2-го драгунского С.-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка А.А. Баторского. С прилож. 41 маршрут. и 2 карт. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XLVIII. СПб. : Изд. Военно-ученого комитета Главного Штаба, 1891. 277 с.
10. Краткий очерк современного положения в Западном Китае (Кашгарии и Джунгарии) к 20 декабря 1900 г. Сост. в Статистическом отделении генерал-квартирмейстерской части Главного Штаба // Сборник материалов по Азии. СПб. : Изд. Стат. отделения генерал-квартирмейстерской части Главного Штаба, 1902. С. 53–77.
11. Краткий военно-статистический обзор Илийского края Генерального Штаба подполковника Федорова // Сборник материалов по Азии. СПб. : Изд. Стат. отделения генерал-квартирмейстерской части Главного Штаба, 1902. С. 79–199.
12. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб. : Изд. Мин-ва иностранных дел; тип. Императорской академии наук, 1889. 271 с.
13. Долбежев Б.В. Судьба калмыков, бежавших с Волги. Карашаарское ханство // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXVI. СПб. : Военная типография, 1913. С. 1–52.
14. Гузей Я.С. Боксерское восстание и синдром «желтой опасности»: антикитайские настроения на российском Дальнем Востоке (1898–1902 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. № 4, т. 2. С. 82–86.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1482.
16. Труды совещания 1906 г. в г. Иркутске о путях сообщения Сибири. Т. II: Материалы / под ред. В. Попова. Иркутск : Изд. канцелярии иркутского генерал-губернатора, 1908. 479 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 июля 2019 г.

In Case of War With a Sworn Friend (Russia's Chinese Political Projects in the Military Agents' Reports at the Turn of the 20th Century)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 456, 152–161.

DOI: 10.17223/15617793/456/18

Lilia V. Kalmina, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: kalminal@gmail.com

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia). E-mail: kuraslv@yandex.ru

Keywords: Manchuria; Mongolia; China; nomad population; military activities.

The study is carried out within state assignments XII.191.1.1. (L. Kalmina) and XII.187.1.4. XII.191.1.2. (L. Kuras).

The article aims to analyse the Russian-Chinese relations through the eyes of the Russian military agents who, at the turn of the 20th century, came to China, Mongolia, Manchuria with military and scientific purposes. Being professional military servicemen, they built their strategy towards China, whose priority was the power pressure on the nearest neighbour. They believed it would clarify the situation with determining the political leader in the Far East. The main sources of the material for the article were military agents' reports published by the Military-Scientific Committee of the General Staff under the "top secret" seal. The reports were complete geographical, geological, economic, ethnographic investigations. Their authors considered any trifle thing to be decisive at war. The authors of the article divided the reports into two groups: those written before the 20th century and in the 20th century. The two events that separate the groups of the reports were the Boxer Rebellion suppressed with the participation of Russia and the Russo-Japanese War which questioned Russian military strength. The latter influenced the intonation of the reports, it became aggressive as military actions were supposed to restore the unsteady Russian prestige. The main issues discussed in the reports were the relief of the future military activity area, fighting efficiency, the Chinese Mongolian tribes' sentiment and their attitude towards Russia. The investigations aimed at clarifying the possibility for Russian forces' movement, the conscripted Mongolian tribes' behavior and their loyalty to the potential conqueror. Examining the military agents' analysis, the authors came to the following conclusions. The military agents considered war activities to be the main means to strengthen Russia's prestige in the East even at the end of 19th century with the public believing the two powers would develop peaceful relations. There was no doubt in Russia's victory in case of a war with China: the Russian army had a high fighting efficiency; China had conflicts with the minor peoples of the Middle Empire. Russia mainly hoped for Mongolia as an ally in the war against China. According to the projects, Mongolia would willingly get rid of the Chinese protection and accept the Russian patronage. The Mongolian Independence Declaration after the Xinhai Revolution of 1911 demanded building a strategy of relations with the new trading partner. In order to force out the rivals from the Mongolian market, Russia had to create a transport infrastructure on its territory, leaving China behind. The construction of the Kyakhta railway branch through Mongolia to Urga, which was to be connected to the Trans-Siberian railway, did not give the economic competitors any chance to dominate in the Mongolian economic area.

REFERENCES

1. Pozdneev, A.M. (1887) Ob otnosheniyakh evropeytshev k Kitayu. Rech', proiznesennaya na akte Sankt-Peterburgskogo Universiteta 8-go fevralya 1887 goda ordinarom-professorom A.M. Pozdneevym [About Europeans' attitude to China. Speech delivered at the St. Petersburg University meeting on February 8, 1887, by Ordinary Professor A.M. Pozdneev]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. XXVII. Saint Petersburg: Izd. Voenno-uchenoego komiteta Glavnogo Shtaba. pp. 228–263.
2. Kuras, L.V., Kal'mina, L.V. & Mikhalev, A.V. (2018) *Kapitany rossiyskoy vostochnoy politiki: rubezh XIX–XX vv.* [Captains of the Russian Eastern Policy: The Turn of the 20th Century]. Irkutsk: Ottisk.
3. *Zabaykal'skie oblastnye vedomosti.*
4. Syrtlanov, R.A. (1913) Materialy po Zapadnomu Kitayu, sobrannye R.A. Syrtlanovym, vo vremya ego poezdki iz Urumchi na Altay v 1909 godu [Materials on Western China collected by R.A. Syrtlanov during his trip from Urumchi to Altai in 1909]. In: *Sbornik geograficheskikh, topo-*

- graficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. LXXXVI. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. pp. 53–241.
5. Strel'bitskiy, I.I. (1896) Otchet o semimesyachnom puteshestvii po Mongolii i Man'chzhurii v 1894 godu (Khulumbur i Khingan) [Report on a seven-month journey through Mongolia and Manchuria in 1894 (Hulun Buir and Hinggan)]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. LXVII. Saint Petersburg: Izd. Voенно-uchenogo komiteta Glavnogo Shtaba. pp. 32–126.
  6. Kushelev, Yu. (1913) Otchet o poezdke s voенно-nauchnoy tsel'yu v Mongoliyu L.-Gv. Gusarskogo EGO VELICHESTVA polka poruchika Kusheleva [Report on a trip with a military scientific purpose to Mongolia by Kushelev, Lieutenant of the Hussar Regiment of the Imperial Guard]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. LXXXVI. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. pp. 284–374.
  7. Tret'yakov, V.G. (2014) [Mongolia as a geopolitical center of attraction for railway construction in the late 19th – early 20th centuries]. *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka* [Russia and Mongolia at the Beginning of the 20th Century: Diplomacy, Economics, Science]. Vol. 3 (1). Proceedings of the International Conference. Irkutsk; Ulaanbaatar: Baikal State University of Economics and Law. pp. 110–120. (In Russian).
  8. Putyata, D.V. (1889) Otchet o poezdke po Man'chzhurii cherez Inokou, Mukden, Girin, Lalin, Ashikho, Payesusu, San-sin, Ningutu, Khunchun vo Vladivostok 1888 g. General'nogo Shtaba polkovnika Putyata [Report on a Trip to Manchuria Through Yingkou, Mukden, Jilin, Lalin, Ashiho, Payesusu, Sansin, Ning'An, Hunchun to Vladivostok in 1888 by Colonel Putyata of the General Staff]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. XXXVIII. Saint Petersburg: Izd. Voенно-uchenogo komiteta Glavnogo Shtaba. pp. 1–127.
  9. Menshikov, A.D. (1891) Mongoliya. Opyt voенно-statisticheskogo ocherka komandira 2-go dragunskogo S.-Peterburgskogo general-fel'dmarshala knyazyza Menshikova polka A.A. Batorskogo. S prilozh. 41 marshrut. i 2 kart. [Mongolia. the Experience of the Military-Statistical Report of the Commander of the 2nd Dragoon ST. Petersburg General Field Marshal Prince Menshikov of the Regiment of A.A. Batorsky. With 41 Routes and 2 Maps]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. XLVIII. Saint Petersburg: Izd. Voенно-uchenogo komiteta Glavnogo Shtaba.
  10. Statistical Department of the Quartermaster General Office of the General Staff. (1902) Kratkiy ocherk sovremennogo polozheniya v Zapadnom Kitae (Kashgarii i Dzhungarii) k 20 dekabrya 1900 g. Sost. v Statisticheskoy otdelenii general-kvartirmeysterskoy chasti Glavnogo Shtaba [A brief outline of the current situation in Western China (Kashgar and Dzungaria) by December 20, 1900. Compiled in the Statistical Department of the Quartermaster General Office of the General Staff]. In: *Sbornik materialov po Azii* [Collection of Materials on Asia]. Saint Petersburg: Izd. Stat. otdeleniya general-kvartirmeysterskoy chasti Glavnogo Shtaba. pp. 53–77.
  11. Fedorov, D.Ya. (1902) Kratkiy voенно-statisticheskii obzor Iliyskogo kraya General'nogo Shtaba podpolkovnika Fedorova [A brief military-statistical overview of the Ili region by Lieutenant Colonel Fedorov of the General Staff]. In: *Sbornik materialov po Azii* [Collection of Materials on Asia]. Saint Petersburg: Izd. Stat. otdeleniya general-kvartirmeysterskoy chasti Glavnogo Shtaba. pp. 79–199.
  12. Ministry of Foreign Affairs. (1889) *Sbornik dogovorov Rossii s Kitaem. 1689–1881 gg.* [Collection of Treaties Between Russia and China. 1689–1881]. Saint Petersburg: Ministry of Foreign Affairs; Imperial Academy of Sciences.
  13. Dolbezhev, B.V. (1913) Sud'ba kalmykov, bezhavshikh s Volgi. Karashaarskoe khanstvo [The fate of the Kalmyks who fled from the Volga. Karashaar Khanate]. In: *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of Geographical, Topographic and Statistical Materials on Asia]. Vol. LXXXVI. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya. pp. 1–52.
  14. Guzey, Ya.S. (2011) The Boxer Rebellion and the “Yellow Peril”: The Anti-Chinese Moods on the Russian Far East (1898-1902). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya – Izvestiya of Altai State University. History. Political Science.* 4 (2). pp. 82–86. (In Russian).
  15. Russian State Military Historical Archive. Fund 1482. (In Russian).
  16. Popov, V. (ed.) (1908) *Trudy soveshchaniya 1906 g. v g. Irkutskе o putyakh soobshcheniya Sibiri* [Proceedings of the Meeting on the Communication Routes of Siberia in Irkutsk in 1906]. Vol. 2. Irkutsk: Izd. kantselyarii irkutskogo general-gubernatora.

Received: 22 July 2019